

НЕПРЕДСТАВИМОСТЬ ЗОМБИ:

Э. МАРКУС ПРОТИВ Д. ЧАЛМЕРСА

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 мая 2016 г.

Аннотация: в работе рассмотрены возражения Э. Маркуса против слабого модального рационализма Д. Чалмерса в той части, когда речь идет о представимости зомби. По мнению Маркуса, зомби непредставимы. В статье исследуются доводы в пользу этого утверждения и контраргументы Чалмерса. В завершение намечены дальнейшие перспективы в разработке этой темы.

Ключевые слова: сознание, Д. Чалмерс, Э. Маркус, зомби, слабый модальный рационализм, мыслимость.

Abstract: the article deals with Marcus' objections against Chalmers' weak modal rationalism. According to Marcus, zombies are inconceivable. The article examines the arguments in favor of this claim and Chalmers' counterarguments. Some prospects in the development of this theme have been planned at the end of this overview.

Key words: consciousness, D. Chalmers, E. Marcus, zombies, weak modal rationalism, conceivability.

Общеизвестна схема мысленного эксперимента, предлагаемого Д. Чалмерсом в качестве довода в пользу дуалистической концепции сознания. Утверждается, что возможно представить существ, абсолютно лишенных феноменального опыта, но тождественных нам физически и функционально. Назовем таких существ зомби. Поскольку представимость (при определенных условиях) влечет возможность, следовательно, зомби возможны, а из этого вытекает, что физикализм ошибочен, при этом какая-то версия дуализма может оказаться истинной. Данный аргумент не предрешает истинность строго определенной концепции сознания, но позволяет усомниться в материалистических интуициях – в этом его главная ценность.

Условия, при которых допустим переход от гипотетических суждений к метафизическим, специально оговорены Чалмерсом и названы им слабым модальным рационализмом [1]. Условия эти следующие: первичная позитивная идеальная мыслимость некоего положения дел влечет его возможность. Здесь философ вводит собственные понятийные разграничения:

1) мыслимость идеальная/первоначальная (*prima facie*): если некоторое положение дел S представимо субъектом при первом появлении соответствующего ментального образа, мы имеем дело с первоначальной мыслимостью. Если же S остается представимым после некоторой ра-

циональной рефлексии, т.е. не устраняется после всестороннего последовательного обдумывания, это вариант идеальной мыслимости. С этой точки зрения знаменитый принцип Декарта *cogitoergosum*, например, является идеально мыслимым, поскольку рефлексия к нему и приводит, а тезис о том, что необходимость присуща исключительно априорным суждениям, стоит отнести к тому, что мыслится первоначально, поскольку рациональная рефлексия, как показал Крипке, его отвергает;

2) мыслимость негативная / позитивная: S мыслимо, если оно не исключается априори или нет явных противоречий в S (негативная мыслимость); некто может построить суждение без отрицания, и согласно этому суждению имеет место S (позитивная мыслимость). Гипотеза о зомби, кажется, характеризуется негативной мыслимостью, а Чалмерс добавляет, что еще и позитивной – и это как раз выступает предметом глубоких метафизических дебатов. Некоторые философские утверждения могут быть только негативно мыслимы, например аристотелевский запрет использовать в рассуждениях актуальную бесконечность;

3) мыслимость первичная / вторичная: некто может себе вообразить ситуацию, в которой имеет место S, и эта ситуация оценивается как реальная (первичная мыслимость), а если эта же ситуация оценивается контрфактически, мы имеем дело с вторичной мыслимостью. Вторичная мыслимость – это некое «сослагательное наклонение» истории, которого она, по известной поговорке, не знает (или, скорее, не хочет знать). Здесь, говоря иначе, мы представляем себе, что некоего события, имевшего место в прошлом, не было, и делаем из этой гипотезы соответствующие выводы («что было бы, если бы Германия не проиграла Вторую мировую войну?»). Первичная мыслимость означает, что мы смотрим не в прошлое, а в настоящее, воображая себе некое положение дел, которое представляется реальным (но оно не обязательно продлевается в нашем воображении куда-то в будущее).

В итоге, если некоторое положение дел S оценивается как реально представимое, проходит проверку рациональной рефлексией и выражается посредством суждения без отрицаний, допустимо считать, что S метафизически возможно. Еще хотелось бы сделать оговорку о типах возможности: в сравнительно ранних работах Чалмерс различает логическую и метафизическую возможности, а впоследствии фактически объединяет их (вероятно в силу определенных трудностей, возникающих при попытке специфицировать категорию возможности в метафизике). Вопрос о том, какая из двух позиций более обоснована и/или плодотворна, здесь рассматриваться не будет.

Надо сказать, что предложенный Чалмерсом способ обоснования вызвал массу различных возражений. Понадобилось бы писать отдельное исследование, чтобы их собрать вместе и систематизировать. Как представляется, все контраргументы тяготеют либо к предмету дискуссии, т.е. имеют своим основанием иное видение сознания (как правило, материалистическое), либо к методу утверждения основного тезиса. Второй вариант представляется нам более интересным, далее будет говориться именно о нем.

Методологический спор вокруг слабого модального рационализма интересен тем, что он выходит за те первоначальные рамки, в которых данные аргументы возникли. Поскольку мысленный эксперимент выступает как способ приращения философского знания со времен античности, было бы интересно посмотреть на него либо в ином контексте, либо, насколько это вообще реально, в чистом виде, т.е. вне метафизического контекста. Есть еще один путь: не изменяя контекст, проанализировать общефилософские возражения к аргументу от мыслимости. Именно это и составляет цель настоящей работы.

Материалом для анализа выступает работа Эрика Маркуса «Почему зомби непредставимы», опубликованная в 2004 г. [2]. Надо сказать, что авторская позиция здесь не самая типичная, ибо возможность зомби не оспаривается (по тексту вообще кажется, что автор к своему оппоненту настроен примирительно и конструктивно). В статье утверждается лишь, что довод об их представимости используется неправильно. В чем же заключается ошибка Чалмерса?

Как считает Маркус, мир, в котором существуют зомби, невообразим, а если мы полагаем обратное, то ошибаемся. Действительно, предположим, что существуют некие создания, идентичные нам с физической, функциональной и поведенческой точек зрения. Пусть все те свойства, по которым эти создания подобны нам, могут быть объяснены редуцитивно, т.е. физикалистски. Но некоторые свойства не могут быть редуцированы к физической основе. Речь идет о феноменальных свойствах, доступных лишь из перспективы первого лица, т.е. тех, которые в обобщенном смысле отвечают на вопрос «каково это для данного субъекта – переживать некий опыт?». Следовательно, если речь идет о точной копии человека, то мысля о зомби, мы должны представлять себе существо, полностью тождественное нам, только лишенное сознания. На первый взгляд кажется, что зомби представимы, может быть, не без усилий (особенно для тех, кто не искушен в самой практике мыслительных экспериментов и отключения рационального компонента ради интуиции), но всё же представимы.

Как полагает Маркус, представимость может быть разной. Из перспективы третьего лица она не только реалистична, но и довольно проста. Мы имеем перед собой человеческое существо A (с физическими свойствами F_1, F_2, \dots, F_n) и некое существо, лишенное сознания, назовем его A_1 . Допустим, в ходе внимательного всестороннего исследования нам удалось обнаружить, что свойства A_1 тождественны всему множеству свойств A , т.е. A_1 обладает набором свойств F_1, F_2, \dots, F_n и не обладает иными физическими свойствами. Пусть мы также установили, что A_1 идентичен A во всём, что касается функционального устройства и поведения. Но мы еще не установили, что у A_1 отсутствуют феноменальные свойства! И в этом, как считает автор, обнаруживается корень проблемы, поскольку объективистский (исходящий из перспективы третьего лица) взгляд в данном случае неприменим. Вообразить себе существо, лишенное феноменального опыта, с его помощью невозможно, так как данный опыт ис-

ключительно субъективен. Следовательно, я должен буду представить себе зомби из перспективы первого лица. Но что это означает, если попытаться уточнить тезис?

Если бы я хотел представить себя Авраамом Линкольном, пишет Маркус, мне нужно было бы смотреть на мир, воспринимать и чувствовать его так, как это воспринимал и чувствовал Линкольн. Тогда я смог бы ответить на вопрос: «каково это – быть Линкольном?». Оставим в стороне спор о принципиальной возможности такого ответа, вернемся к зомби. Что предполагает представимость зомби из перспективы первого лица? Ответ на вопрос: «каково быть зомби?» Но на этот вопрос нет ответа и не может быть. Почему? По условию задачи: у зомби нет феноменального опыта, поэтому они не могут вообще как-то воспринимать мир. Отсутствие феноменального опыта из перспективы первого лица не мыслится, мы не можем себе представить не-восприятие, полное отсутствие всяких квалиа¹. Отсутствие кого-либо из перспективы третьего лица вполне мыслимо: мы можем представить себе дом, в котором никто не находится, дорогу, по которой никто не идет и ничто не перемещается и т.д. Во всех этих случаях, полагает Маркус, отсутствие воспринимается на фоне присутствия: нет людей, но есть дом, в котором они могли бы находиться, дорога пуста, но она имеет определенные очертания, ширину, покрытие определенного цвета, направление, по бокам дороги тоже что-то есть и т.п. Всё это совершенно несопоставимо с воображением зомби: отсутствие феноменального опыта не имеет «заднего фона» в виде чего бы то ни было, поскольку если бы такой фон имелся, он всецело принадлежал бы субъективной реальности, которую, по условию эксперимента, мыслить запрещено. Именно поэтому представить себя зомби несопоставимо сложнее, чем, например, летучей мышью². Точнее, второе, в отличие от первого, не исключается априори из рассмотрения: если ученые сумеют подключить аналог эхолокатора летучей мыши к сенсомоторной системе человека, мы узнаем, каково быть летучей мышью. В случае с зомби ни одно научное достижение нам помочь не сможет.

Итак, зомби непредставимы, поэтому схема мысленного эксперимента в поддержку дуализма рушится (это, впрочем, не означает, что дуализм нельзя поддержать иными способами). Однако многие полагают, что нет ничего сверхъестественного в том, чтобы представить себе существо без сознания. В чем же здесь дело? По мнению Маркуса, мы сталкиваемся с глобальным заблуждением, когда отсутствие представления принимают за представление отсутствия. Мы уверены, что вообразили существо, физически и поведенчески тождественное нам, у которого отсутствует внутренний опыт. В действительности же мы вообразили себе существо,

¹ Под термином «квалиа» принято понимать аспекты нашей внутренней жизни, переживания чисто субъективного свойства, доступ к которым возможен благодаря интроспекции (см.: URL: <http://plato.stanford.edu/entries/qualia>).

² Здесь Маркус адресует к знаменитой работе Т. Нагеля «Каково быть летучей мышью?». Работа эта стала чрезвычайно популярной иллюстрацией довода о невозможности переживать чужой феноменальный опыт.

тождественное нам физически и поведенчески, но затем наше воображение было остановлено. Дальше мы не продвинулись. Отсутствие квалиа не стало тем положением дел, которое может быть мыслимо первично или вторично, негативно или позитивно и т.д. Оно (это отсутствие) нами не мыслится – потому что мы не можем представить себе то, чего нет. В силу то ли невнимательности, то ли иных личных предубеждений многие продолжают смешивать эти два модуса воображения – представить себе ничто и ничего не представлять, в действительности же имеет место только второе, но не первое.

Несмотря на то что в эксперименте с зомби, пишет Маркус, есть опасность запутаться, какие-то простые примеры из обыденной жизни могут вернуть нашим рассуждениям здравый смысл. Допустим, мы представляем себе счастливую семью – супружескую пару и их детей. При этом мы ничего не думаем по поводу пальцев на руках и на ногах у этих людей. Кто, однако, осмелится сказать, что тем самым мы вообразили себе счастливую семью, лишённую пальцев? Конечно, это не так. Мы просто остановили наше воображение там, где не было смысла его развивать далее. Ничего сверх того не произошло, и такая остановка воображения не доказывает, что лишённость чего бы то ни было можно представить.

Таким образом, лишённость сознания – это не объект воображения, это акт воображения, точнее, момент приостановки. Нельзя сказать «мы представили себе Р и не Q», на самом деле следует говорить так: «мы представили себе Р и не представили Q». Из этого вытекает бессмысленность слабого модального рационализма в целом. У нас нет уверенности в том, что представимость влечет возможность, но ни доказывать, ни опровергать это следование не требуется, поскольку зомби непредставимы³.

В этой истории есть один любопытный момент. Чалмерс, отвечая на критику, вспоминает очень многих своих оппонентов, не забыв и Маркуса. Однако ответ, который дан на тезис о позитивной немыслимости зомби, поражает читателя неким нарочитым примитивизмом. Чалмерс говорит следующее: безусловно, нет проблем с позитивной мыслимостью отсутствия чего бы то ни было. Многие делают это довольно часто и никаких трудностей не испытывают. Ведь мы можем, например, представить себе мир, в котором нет ангелов (тем более, что сама реальность нас именно в этом и убеждает ежедневно). То же самое и с существами, у которых нет сознания. Оппоненты, пишет философ, просто неверно интерпретируют понятие позитивной мыслимости. Отсутствие чего бы то ни было молчаливо причисляется к негативной мыслимости, но это

³ Этот вывод, замечает Маркус, можно рассмотреть и в другом контексте. Известна проблема другого сознания: я знаю, что у меня есть внутренний опыт, но это я знаю только о себе, не о других. Вполне вероятно, что у других людей внутреннего опыта нет, и они по природе своей суть механические куклы. Однако если зомби непредставимы и невозможны, у других людей необходимым образом есть внутренний опыт. Значит ли это, что он необходимым образом представим? Впрочем, этот интересный поворот сюжета в статье не рассматривается, поскольку он весьма далек от основной линии рассуждения.

просто ошибка – таков итоговый контраргумент Чалмерса [3]. Удивительно здесь то, что приведенные возражения крайне слабы, и создается впечатление, что Чалмерс оставляет некую невыраженную надежду на поиск действительно сильного опровержения для позиции Маркуса, но пока оно не найдено, довольствуется стандартным риторическим приемом «меня не так поняли, я говорил о другом». Остается только надеяться на продолжение дискуссии на должном уровне, в противном случае действительно интересные философские моменты спора могут просто выветриться.

Хотелось бы подвести некоторые итоги сказанному. Благодаря работе Маркуса явно обозначился новый аспект хорошо известной проблематики, т.е. аргумента от мыслимости. Здесь можно выделить следующие моменты:

1) введено новое разграничение – мыслимость от первого лица и от третьего лица. Разница между этими модусами имеет значение. Не все факты, представимые в перспективе третьего лица, могут быть представлены в иной перспективе, и странно, что этого возражения не хочет замечать Чалмерс (а этот момент в дискуссии выглядит именно как намеренное невнимание);

2) продемонстрирована неполнота дистинкций мыслимости, данных Чалмерсом для обоснования слабого модального рационализма. Иначе говоря, если некое положение дел S является первично, позитивно и идеально мыслимым, рано еще говорить о возможности S . В общем случае надо исследовать природу того, что мы считаем возможным, и в некоторых ситуациях использовать те дополнительные ограничения, о которых было сказано выше;

3) благодаря доводам Маркуса мы убедились, что сам акт представления чего бы то ни было (воображения) не так прост, как кажется на первый взгляд. При этом мы как бы смещаем исследовательскую оптику с модальной темы в сторону феноменологической. Нас, конечно, продолжает интересовать, при каких условиях от гипотезы о возможности чего бы то ни было допустимо переходить к метафизическим выводам, но в споре о природе сознания более важным представляется зафиксировать факт того, что отсутствие феноменального опыта немислимо. Как нам представляется, этот аргумент – сильный, и разбить его можно только напрямую, т.е. доказывая, что пустоту или отсутствие всё же можно представлять. В западной философской традиции подобного рода перспектива практически не проблематизирована. Тем интереснее, с каким же ответом против Маркуса выступит в итоге Чалмерс. Обратится ли он, например, к буддийским или иным восточным практикам за недостающими аргументами? И более общий вопрос: а доказуема ли в принципе мыслимость пустоты (если мы, конечно, верно поняли доводы спорщиков)? В общем, можно сказать, что на наших глазах открывается новое проблемное поле, а это значит, что статус аргумента Чалмерса необходимо осмысливать и далее, только теперь под иным углом.

Литература

1. *Chalmers D. J.* Does conceivability entail possibility? / In *Tamar S. Gendler & John Hawthorne* (eds.), *Conceivability and Possibility*. Oxford University Press, p. 145–200 (2002).

2. *Marcus E.* Why zombie are inconceivable // *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 82, № 3, p. 477–490 (2004).

3. *Chalmers David J.* The two-dimensional argument against materialism. – Mode of access: <http://consc.net/papers/2dargument.html>

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: yurist84@inbox.ru

Тел.: 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: yurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98